

Д. М. САВИНОВ

**О НЕКОТОРЫХ АСПЕКТАХ ИЗУЧЕНИЯ
РУССКИХ ГОВОРОВ СЕВЕРО-ЗАПАДА
(ИНСТРУМЕНТАЛЬНО-ФОНЕТИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ
СИСТЕМЫ ГЛАСНЫХ В ОДНОМ ИДИОЛЕКТЕ)**

1. Русские говоры Северо-Запада по праву можно назвать уникальным лингвистическим ландшафтом. Факты истории (распространение в прошлом на этой территории кривичей и словен), культуры (появление в конце XVII в. конфессиональной дифференциации на православных и староверов), языковой интерференции с неславянским населением обусловили диалектную пестроту, свойственную говорам Северо-Запада, а также определили исключительную насыщенность данной территории изоглоссами различных по своей основной локализации языковых явлений [Строганова 1970: 392].

В рамках северо-западного ареала выделяется особая переходная зона говоров, расположенных вокруг Чудского озера. Эта естественная граница способствовала формированию двух диалектных объединений — Западного и Восточного Причудья, говоры которых противопоставлены друг другу по ряду важных фонетических, грамматических и лексических особенностей: типу предударного вокализма, различению/неразличению аффрикат, наличию/отсутствию конечного /т/ в системе личных форм глагола, специфике сельскохозяйственной терминологии [ДАРЯ 1986: карты 1, 3, 47; ДАРЯ 1989: карты 80, 81; ДАРЯ 1997: карты 16, 39, 50; Ровнова 2007: 182—191; Рихтер 1976: 58—65]. Всесторонний анализ этих диалектных комплексов имеет принципиальное значение для решения вопросов их генезиса, а также для выявления характера протекания языковых контактов на исследуемой территории.

В частности, диалектные данные, собранные в Причудье, дают богатый материал для изучения путей развития поздних процессов аканья в русских диалектных системах. Как известно, говоры, распространенные вокруг Чудского озера, характеризуются совмещением переходных типов окающего вокализма с сильным (недиссимилятивным) аканьем и яканьем.

Дмитрий Михайлович Савинов, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН (Москва).

Русский язык в научном освещении. № 1 (25). 2013. С. 86—110.

Так, диалектным системам Восточного Причудья свойственны полновская и гдовская модели предударного вокализма, сохраняющие частичное различие /o/, /a/, /e/ в 1-м предударном слоге (см. таблицу 1), в говорах Западного Причудья распространены сильное аканье и сильное яканье, то есть отмечается полное совпадение гласных фонем неверхнего подъема в безударной позиции. При этом вопрос о механизмах, лежащих в основе модификации: полное оканье → неполное оканье → сильное аканье, и основных этапах структурных преобразований остается открытым.

Таблица 1

Типы предударного вокализма с элементами различия /o/, /e/, /a/ в 1-м предударном слоге (неполное оканье)

Типы предударного вокализма	Владимирско-Поволжский			Полновский			Гдовский		
Гласные 1-го предударного слога	а	о	е / ъ	а	о	е	а	о	е
Ударные гласные	Реализации этимологических гласных в 1-м предударном слоге								
Верхнего подъема (<i>и, ы, у</i>)	а	о	о / е	а			а		
Среднего подъема (<i>е, о</i>)	а	о	о / е	а	о	е (и)	а	о	е (и)
Нижнего подъема (<i>а</i>)	а	о	о / е	а	о	е (и)	а		

2. В памятниках псковской письменности примеры, отражающие аканье, фиксируются с XIV—XV веков [Каринский 1909: 150—152]. Незначительное количество подобных примеров затрудняет их интерпретацию и сопоставление с данными современных псковских говоров, хотя Л. И. Царева обратила внимание на то, что «в памятниках XV—XVI вв. наибольшее число примеров аканья и яканья отмечено в случаях, когда под ударением *а*, а также гласные верхнего подъема *и, ы, у*», что характерно именно для гдовского типа вокализма [Царева 1962: 75].

По данным Е. А. Галинской, исследовавшей псковские памятники письменности первой половины XVII века, «в диалекте Пскова и его окрестностей имел место гдовский тип вокализма (<...>). Более того, есть основания заключить, что в рассматриваемый период этот тип вокализма характеризовал говоры, локализовавшиеся значительно южнее Пскова» [Галинская 1997: 88; 2002: 92]. Однако В. Н. Чекмонас считает выводы Е. А. Галинской недостаточно обоснованными, «несмотря на всю свою привлекательность». Проанализировав материалы разговорника Томаса Фенне, на которые ссылается Е. А. Галинская, В. Н. Чекмонас пришел к выводу, что интерпретация случаев аканья «должна быть более осторожной, и они вряд ли позволяют делать какие-либо категорические утверждения о типе ака-

нья ⟨...⟩. В то же время нельзя и недооценивать факта *преобладания* в записях Т. Фенне примеров аканья, согласующихся с принципами гдовского вокализма» [Чекмонас 1999: 140].

В. А. Ковпик обнаружил в отказной книге Пскова начала XVII века всего около тридцати примеров, которые отражают нарушения последовательного различия /o/ и /a/ в 1-м предударном слоге. Автор обращает внимание на то, что написания, отражающие аканье, «встречаются лишь при ударных гласных верхнего или нижнего подъема». На этом основании В. А. Ковпик предположил, что «псковским говорам начала XVII века была известна система гдовского вокализма после парных твердых согласных в первом предударном слоге» [Ковпик 2005: 92—93].

Распространение на Псковщине элементов неразличия /o/ и /a/ в 1-м предударном слоге, а также других явлений южнорусской локализации произошло вследствие усиления влияния на местные говоры со стороны диалектов более южных территорий. «После отделения Псковской земли от Новгородской в 1348 г. определяющими для ее дальнейшего языкового развития становятся существовавшие и ранее контакты с более южными говорами» [Строганова 1970: 451]. Гдовский вокализм, «сформировавшись некогда на границе оканья и аканья (-яканья)», со временем распространился «в более северных говорах как сложившийся вид предударного вокализма ⟨...⟩. Относительной древностью этой системы хорошо объясняется многочисленность ее вариантов, а также наличие ее реликтов далеко к югу от ее современной границы» [Чекмонас 1998: 119], о рефлексах гдовского аканья в юго-западных говорах Псковской обл. см. [Царева 1962: 66].

Становление сильного аканья и сильного яканья в псковских говорах происходило в результате распространения «второй волны аканья-яканья» [Чекмонас 1999: 133]. Так же, как и системы гдовского типа, эти модели вокализма утвердились намного раньше на юге Псковщины, чем в ее центральных и северных частях. Например, в говорах великолукского ареала уже к XVII веку сформировались сильное аканье и сильное яканье [Галинская 2002: 118—122], тогда как вероятность того, что «сильное аканье-яканье в средней части Псковской области существовало уже к середине XVIII в., является невысокой» [Морозова, Чекмонас 2007: 65].

3. Говоры Восточного Причудья составляют особую Гдовскую группу западных среднерусских окающих говоров; основной комплекс языковых черт, присущих этому диалектному объединению, в основном сформировался к началу XVIII века [Строганова 1970: 451]. Старожильческие говоры Западного Причудья относятся к Псковской группе западных среднерусских окающих говоров, однако их носители — староверы — появились здесь не ранее конца XVII — начала XVIII веков. Географический ареал исхода местного населения до сих пор документально не установлен [Рихтер 1976: 13—27]; в работах историков, этнографов, лингвистов обычно присутствуют лишь общие указания на то, что западный берег Чудского

озера был колонизирован по преимуществу выходцами из Псковских земель. Неопределенность в локализации языковой прародины староверов затрудняет диахроническую интерпретацию сильного аканья и сильного яканья в местной диалектной системе, прежде всего это касается определения времени (соответственно, и места) их формирования.

Необходимо обратить внимание на несколько важных фактов, делающих сомнительным предположение, что указанные вокалические модели распространялись в старообрядческих говорах сравнительно поздно, то есть уже на современной территории проживания их носителей. Во-первых, Западное Причудье — дальняя периферия не только Псковской группы, но и среднерусских говоров в целом. На периферии ареала инновация (в данном случае тенденция к неразличению в безударном положении фонем неверхнего подъема) обычно проявляется менее последовательно: ее реализация может быть связана с некоторыми дополнительными условиями и ограничениями, о чем свидетельствуют современные гдовские говоры, так и не развившие сильного аканья-яканья.

Во-вторых, в говоре староверов отсутствуют следы так называемого «неполного аканья», то есть сохранения /o/ в безударном конечном открытом слоге. Это явление, широко распространенное между Островом — Новоржевом — Великими Луками, «свидетельствует об относительно позднем распространении аканья в средней части Псковской области» [Морозова, Чекмонас 2007: 65; ДАРЯ 1986: карта 18; Царева 1962: 73].

Наконец, на территорию Эстонии бежали не только псковичи, но и новгородцы (например, первые федосеевцы), а также жители более северных губерний, которые были носителями окающих диалектов. Однако аканье, по всей видимости, изначально было одной из важнейших черт местного старообрядческого произношения, которую перенимали поздние переселенцы; за всю историю изучения старожильческих говоров Прибалтики не было обнаружено ни одного окающего старообрядца ни в Литве, ни в Латвии, ни в Эстонии [Морозова, Чекмонас 2007: 63].

Некоторые лингвистические и этнографические данные указывают на то, что основная часть старообрядческого населения Западного Причудья пришла сюда с южных окраин Псковщины. Так, некоторые особенности местной сельскохозяйственной терминологии, а также отдельные элементы материальной культуры связывают изучаемый ареал с юго-восточными и частично юго-западными районами Псковской области: названия цепа, некоторых частей сохи, малых укладок снопов зерновых культур, основы под стог, специфический покроей повойника¹ [Рихтер 1976: 58—65, 61, 177].

Где-то здесь, на южной окраине псковских земель, находился первичный центр старообрядческого населения, именно отсюда в конце XVII—XVIII веках происходила миграция староверов в Западное Причудье. Пе-

¹ В Западном Причудье повойник перестали носить уже к началу XX века [Рихтер 1976: 145].

реселенцы принесли с собой не только свои традиции, культуру, веру, но и уникальный комплекс языковых черт, присущих южным псковским говорам, в том числе сильное аканье и яканье, которые противопоставляли их диалект речи жителей восточного берега Чудского озера.

4. Поскольку в псковских по происхождению памятниках письменности рефлекс аканья отражаются довольно поздно и не всегда последовательно, большое значение для истории аканья приобретают данные современных говоров Псковщины с их разнообразием типов предударного вокализма. Изучение ареальной и типологической специфики этих вокалических моделей позволяет расширить и уточнить наши представления о путях развития аканья в говорах Северо-Запада, а также дает возможность определить основные этапы и механизмы их эволюции. В процессе развития диалектных фонетических систем полное оканье на исследуемой территории исчезает, заменяясь вокализмом смешанного типа с частичным различием /o/, /a/ и /e/ в 1-м предударном слоге; позднее здесь утверждается сильное аканье — типичная и устойчивая черта большинства псковских говоров.

В этом аспекте наибольший интерес представляет говор острова Пийриссаар (Эстония), расположенного в Чудском озере и имевшего в прошлом тесные связи как с Западным, так и с Восточным Причудьем. Формирование этого говора происходило в результате междиалектной интерференции, вызванной взаимодействием западной (русские говоры Эстонии) и восточной (гдовской) систем. Первым русским поселением на острове стала деревня Желáчек, жители которой пришли сюда с реки Желчи, впадающей в Чудское озеро с востока (территория современного Гдовского р-на Псковской обл.). Появление второй деревни, получившей название Межá, связано с переселением в Западное Причудье старообрядцев, этот колонизационный поток датируется XVII—XVIII веками [Мурникова 1962: 346—347].

В результате на Пийриссааре сложилась уникальная диалектная система, включавшая элементы двух разных языковых ареалов: Западного и Восточного Причудья (иначе севера и юга Псковщины). Неполное оканье гдовского (или полновского) типа, проникшее в материковые говоры Восточного Причудья не позднее XVIII века, функционировало в местном говоре наряду с сильным аканьем на протяжении значительного времени и окончательно «растворилось» в последнем только в середине XX века [Мурникова 1962: 349].

Длительное сосуществование аканья и оканья на небольшой территории острова было обусловлено особенностями этноконфессиональной структуры местного населения: сильное аканье было характерно для говора староверов, а неполное оканье — для говора православных. Сохранение системы частичного различия /o/ и /a/ в 1-м предударном слоге, вероятно, поддерживалось не только относительной непроницаемостью этих эт-

ноконфессиональных групп, но и тесными связями острова с прибрежными гдовскими деревнями, о чем постоянно упоминают информанты с Пийриссаара.

Процесс перехода от частичного различения фонем /o/ и /a/ в 1-м предупредительном слоге к их нейтрализации во всех безударных позициях должен подчиняться некоторым закономерностям, общим принципам динамики вокалических систем. Для их выявления необходимо проследить, как акающая система вокализма влияет на говор с неполным оканьем, какие структурные элементы заимствуются активнее и легче, а какие обладают большей устойчивостью, на каких основаниях происходит стабилизация системы вокализма при нарушении традиционной фонетической модели слова.

5. Обследования говора старожильского населения Пийриссаара, выполненные в 2004 и 2008 годах сотрудниками Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН и Тартуского университета, не выявили на острове ни гдовского, ни полновского типов вокализма. Однако в 2009 году экспедиция Тартуского университета обнаружила следы неполного оканья у одного из информантов — Анны Павловны Фокиной, которая родилась в дер. Каменная Стража Гдовского района в 1922 году и более 50 лет живет на Пийриссааре в дер. Желачек. В 2010 г. мы вместе с И. П. Кюльмоя, О. Н. Паликовой и О. Г. Ровновой побывали на острове и сделали дополнительные записи речи А. П. Фокиной, что дало нам возможность проследить динамику предупредительного вокализма, имеющего гдовскую основу, под влиянием инодиалектного акающего окружения.

В речи А. П. Фокиной отмечены следующие примеры: **после твердых согласных:**

пол[а]в[и]ть, зв[а]н[и]ть, позв[а]н[и]л, н[а]н[и]лся, ст[а]н[и]т), не х[а]д[и], пр[а]б[и]л, угов[а]р[и]л, [а]д[и]н, [а]н[и], н[а]ш[и]л[и], нен[а]в[и]жу, р[а]д[и]вши, т[а]к[и]е, дор[а]г[и]е, во дв[а]р[и], б[а]л[и]ш[и]м, [а]т[ж]и[л]а, н[а]ж[и]ла, со вт[а]р[и]м, н[а]б[ы]л, з[а]б[ы]ла, в[а]й[н]ы, ут[а]н[у]л, вт[а]р[у]ю, з[а]д[у], в м[а]скв[у], н[а] у[л]ице, н[а]й[д]у, раскр[а]д[у]т), н[а]д[у]май, н[а]д[р]уги, в[а]з[ь]му, пок[а]жу, не х[а]чу, б[а]юся, с[а]юзу;

х[о]р[о]шая, на б[о]л[и]ш[о]й, вт[о]р[о]м, вт[о]р[о]й, в[о]с[ь]м[о]й, мол[о]д[о]й, вых[о]д[н]ой, в[о]с[ь]м[о]м, пл[о]х[о]го, д[о]бр[о], д[о]м[о]й, [о]б[о]рты, к[о]т[о]р[ы]й, н[о]к[о]йница, н[о]з[о]лила, н[о] в[о]семьдесят, пом[о]л[о]же, гол[о]д[о]вка, д[о]в[о]льно, св[о]б[о]нно (свободно), с[о] Пск[о]ва, с[о] шк[о]лы, р[о]с[т]р[о]енный, с т[у]б[о]й (с тобой); в[э]с[ь]м[о]й, д[э]р[о]ге, д[э]в[о]льно, н[э]др[о]стки, гор[э]дск[о]й, в[э]с[ь]м[о]го, м[а]л[о]д[е]нька, зд[а]р[о]вый, вт[а]р[о]й, н[а]стр[о]ивши, н[а]стр[о]или, хор[а]ш[о], ост[а]р[о]жно, д[а]р[о]га, д[а]м[о]й, д[а]м[о]в, б[а]л[и]ш[о]й, сп[а]к[о]йно, н[а]л[о]жу(т), х[а]р[о]ший, зд[а]р[о]вый, н[а] Гд[о]в, д[а]в[н]о, незн[а]к[о]мый, т[а]к[о]й, на н[а]р[о]ме, в к[а]нт[о]ры, в[а]г[о]н, з[а]в[о]т, к[а]рд[о]н, н[а]р[о]т; в[о]й[д]е[ш]ь, в[о]з[ь]м[е]т), м[о]ё, н[о]ё[т]ся; раз[э]ш[е]лся, раз[э]б[е]те, н[э]ш[е]л, поп[а]д[е]т), н[а]м[е]риш[и], мол[а]д[е]жь;

п[о]эхали, х[о]тэла, х[о]тэл, [о]тэц, чел[о]вэк, чел[о]вэка, р[о]змер, к[о]нэчно, к[о] мнэ, п[о] дэсят, в[о] время, [о]т жэничины, п[о]нэй, пр[о]грэсса, пос[у]ветовала, [у]слэпла, к[э]нэшно, п[э]эдем, п[э]эду, с[э]-gréла, с[э]вэтских, в[э]эный, в р[э]ссэю, стар[а]вэры, чел[а]вэк, в [а]прэле, в[а]эных, х[а]тэла, посм[а]трэла, сг[а]рэли, ст[а]э (стоит), п[а]эду, п[а]лэгше, поч[а]стэньку, к[а] мнэ, сын[а]вэй;

дор[о]гáя, вт[о]рáя, мол[о]дáя, уг[о]вáривала, м[о]я, [о]нна (одна), т[о]гá, к[о]гá, [о]на, пр[о]дáть, к[о]пáть, п[о]шла, раз[о]шлáсь, п[о]-знáлся, п[о]стáвить, [о]стáлися, без[о]брáзие, д[о]мáм, к[о]тá, [о]пáть, х[о]зяевья, самот[о]ятельный, г[о]р[я] (горести), [у]тп[р]áвила; р[л]сскáзывал, [л]стáвить, [л]стáвши, в[л]йá-то, в[л]дá, д[л]чкá, мол[л]дáя, [л]нá, пр[л]дáй, дор[э]гáя, зар[э]бáтывали, м[э]я, т[э]скáть, з[э]шла, на кр[э]вáть, прав[э]слáвная, д[э]мáм, в[э]дá, ск[э]зáла, п[э]кáзывае(т), б[э]гá-тые, б[э]лшиáя, п[э]дáрки, с[э]бáка, ст[э]яли, н[а]жрáлся, н[а]шла, обр[а]щáлись, ост[а]лáся, т[а]кáя, з[а]пáсы, кр[а]сáвица, с[а]рáй, г[а]рáж, [а]нá, в[а]йá, т[а]вáрищу, м[а]я, в[а]дýнкой, обр[а]щáлась, б[а]лнá.

После мягких согласных:

зав[’а]ли, перев[’а]ли, в[’а]дите, прив[’а]зли, перем[’а]нили, кр[’а]стила, бер[’а]гли, с[’а]рдился, л[’а]сник, р[’а]бина, м[’а]шки, пер[’а]жила, пер[’а]-жить, пер[’а]писывались, л[’а]жит, приб[’а]жит, на в[’а]снó, д[’а]журный, п[’а]чурки, л[’а]жу, н[’а] будешь, с[’е]ржуся, н[’и] буду;

в[’е]сно́й, кузн[’е]цóв, разв[’е]лóся, [йе]гó, мо[йе]гó, в н[’е]гó (у него), с [йо]вóнной, л[’е]дóчек, п[’е]ш(к)óм, н[’е] в тóм, н[’и] мóг, п[’и]трóв день, пр[’и]стóльный; нап[’а]кё(т), прин[’а]сё(т); д[’е]вчонка, ч[’е]твёртый, р[’е]бёнок, с р[’е]бёнком, с с[’е]мьёй; погл[’а]дэла, с[’е]бэ, н[’е]дэлы, м[’е]двэдев, гл[’е]дэла, б[’е]лét (билет), н[’е] эдь (не езд), т[’е]нэря, д[’е]-рэктор, д[’е]тэй, д[’е]рэвню, к т[’е^н]бэ, т[’е^н]нэря, пер[’е^н]мэшка, в[’е^н]-зде, в д[’и]рэвне, пер[’и]эхали, н[’и] вэчер;

бер[’æ]глá, вос[’æ]мнáтцати, пер[’ε]п[р]áва-то, с[’ε]мнáдцать, н[’ε] знáла, м[’ε]шáть, у[йе]зжáть, уб[’е]гáли, поб[’е]жáл, см[’ε]я́ться, при-н[’ε]слá, дев[’ε]тнáдцáтого, вос[’ε]мнáдцáть, м[’ε]нjá, л[’ε]снáя, с[’ε]стрá, вс[’ε]гá, с[’ε]ржáнтом, п[’ε]кáрни, предс[’ε]дáтель, н[’ε] плáкáть, н[’ε] стáла, н[’ε] лáд’у (не лажу), пл[’ε]мjáнник, пл[’ε]мjáнникова, н[’ε]лзjá, дер[’ε]внjá, прин[’э]слá, н[’и]дáвно, м[’и]нjá, т[’и]бjá, н[’и] знáю, л[’и]кáрство.

В. Н. Чекмонас, обследовавший говор Каменной Стражи в 1993 году, писал: «В д. Каменная Стража проживает несколько человек, среди них нет автохтонов. Полновский характер ее вокализма определен нами на основании косвенных данных и в дальнейшем может быть оспорен» [Чекмонас 1998: 130]. Идиолект А. П. Фокиной, родившейся и более двадцати лет прожившей в этой деревне, подтверждает предположение В. Н. Чекмонаса: в речи информанта отчетливо прослеживается позиционная зависимость различения/неразличения гласных 1-го предударного слога от подъема ударного гласного, характерная для полновского типа вокализма. Гласный [а] независимо от этимологии произносится перед гласными *и, ы, у;* перед

всеми остальными ударными гласными противопоставление [o] и [a] сохраняется, хотя уже и не совсем последовательно.

Несколько иная закономерность отмечается после мягких согласных: перед верхними гласными последовательно проведена система сильного яканья, а для всех остальных позиций характерно сильное еканье с единичными случаями произношения [ʔo] в соответствии с этимологическим *e* (с [йо]вóнной, *прин[ʔэ]сла́*), [a] в соответствии с этимологическим *'a* (*по-гл[ʔа]дэ́ла*, но также *гл[ʔе]дэ́ла*, *дев[ʔе]тнáдцатого*) и [и] перед ударными гласными среднего и нижнего подъёмов: *в д[ʔи]рэ́вне*, *пер[ʔи]э́хали*, *н[ʔи]дáвно*, *м[ʔи]ня́*.

Т. Ю. Строганова отмечала, что полновский тип вокализма после твердых согласных обычно сочетается с параллельной моделью после мягких: перед *и, ы, у* — [a]; в остальных позициях на месте **e* и **ʔ* произносится [e], на месте *'a* — [a]: *н'ел'з'á*, *н'ьт'д'ес'áт*, *т'ер'áфшы*, *сп'ек'ó*, *л'еп'óшкый*, *д'ер'эвн'á*, но *н'игл'ад'э́ла*, *п'в'аз'эл'и* (по вязкому месту), *св'аз'óм* (свяжем) [Строганова 1962: 107]. Строго говоря, полного параллелизма развития аканья и яканья в говорах с полновским типом оканья нет, поскольку позиции различения и совпадения предударных гласных после твердых и мягких согласных не идентичны. После мягких согласных процессы унификации развиваются быстрее и в звукотипе [e] независимо от позиции совпадают **e* и **ʔ*.

Как известно, для подавляющего большинства русских говоров характерно ослабление функциональной нагрузки гласных, упрощение системы вокализма. В результате действия этой тенденции уменьшается количество звукотипов: в 1-м предударном слоге после мягких согласных происходит нейтрализация фонем /a/, /o/, /e/ (/ʔ/). С одной стороны, наличие в 1-м предударном слоге гласного [e] на месте **e* и **ʔ* обуславливает появление в 1-м предударном слоге [e] и на месте *'a* (*дев[ʔе]тнáдцатого*, *гл[ʔе]дэ́ла*), что связано со значительным преобладанием в этой позиции гласного [e] (в соответствии с **e* и **ʔ*).

С другой стороны, противопоставление [e] ~ [и] малоконстрастно и менее устойчиво, чем [a] ~ [и]. Неслучайно в идиолекте информанта развивается и другая тенденция — к понижению подъема гласных, реализующих фонемы /o/, /e/ (/ʔ/) в 1-м предударном слоге после мягких согласных. В этой позиции становятся возможными гласные средне-нижнего подъема, которые наиболее часто отмечаются перед ударным [a]: *бер[ʔæ]гlá*, *вос[ʔæ]мнáтцати*, *пер[ʔε]п'ра́ва-то*, *с[ʔε]мнáдцать*, *н[ʔε]знáла*, эти звуки не достигают тембра [a] и имеют более высокочастотную область F₁, чем [e]: от 640 до 750 Гц. Появление в 1-м предударном слоге перед ударными гласными неверхнего подъема звука [ʔa] поддерживается действием морфологических факторов: *нап[ʔа]кё́*, *прин[ʔа]сё́* — по аналогии с закономерными *нап[ʔа]кú́*, *прин[ʔа]сú́*.

Гласные пониженного подъема отмечаются в 1-м предударном слоге также на месте /o/ после твердых согласных, этот слаболабиализованный

гласный имеет F_1 в области 640—680 Гц и F_2 — 1,1—1,3 кГц, то есть образуется в зоне средне-нижнего подъема заднего ряда. В случае утраты лабиализации гласный переходит в более передний ряд и несколько понижает подъем, что наблюдается главным образом перед /a/, среднее значение F_1 гласного [a] составляет 680—750 Гц, F_2 — 1,3—1,5 кГц.

Для среднерусских акающих говоров характерно регулярное понижение у гласного [a] в 1-м предударном слоге верхней границы F_1 , то есть повышение подъема, по сравнению с ударным звукотипом [Альмухамедова, Кульшарипова 1980: 15]. Эта особенность наблюдается и в идиолекте А. П. Фокиной: если ударный [a] имеет F_1 в области 780—1000 Гц, то предударный [a] — в области 650—950 Гц, и образуется в зоне повышено нижнего или средне-нижнего подъема. Особенно часто гласный [a] встречается на месте /o/ и /a/ перед ударным [a], а также на месте /o/ перед ударным [o]. Наличие в 1-м предударном слоге на месте /o/ звукотипов [ɔ] и [Λ], артикуляционно близких аллофонам фонемы /a/, способствует развитию нейтрализации этих фонем; в речи информанта отмечается множество примеров, свидетельствующих о постепенном переходе к полному неразличению /o/ и /a/ в безударной позиции.

Как известно, сохранению противопоставления фонем /o/ и /a/ в 1-м предударном слоге способствует усиление лабиализации гласного [o], его переход в зону верхнего подъема. Эта черта, которую в диалектологической литературе иногда называют «уканьем», характерна для северной периферии гдовских говоров [Царева 1962: 60; Чекмонас 1998: 62, 68]. В речи А. П. Фокиной подобные примеры единичны: *с т[у]бо́й; пос[у]вѣтовала*, [у]слѣ́ла; [у]тп́равила. Чаше гласный [у] на месте /o/ произносится во 2-м предударном слоге в абсолютном начале слова, реже — после губных согласных; подобное произношение стабильно отмечается в ограниченной группе слов и может быть признано лексикализированным: [у]сто́рожно, [у]ткрыва́я, [у]ткр[у]ва́йте, [у]тбира́ю (отбирают), [у]браца́лись, [у]браца́лась, [у]бошла́, [у]строво́в, [у]строва́, [у]бнима́ла, [у]стала́ся, п[у]совета́вала, п[у]ча́стеньку.

6. Т. Ю. Строганова, исследовавшая полновское оканье, сделала предположение, что этот тип вокализма образовался благодаря развитию в говорах качественной диссимилиации. В говоре д. Лядинки² Изборского р-на Псковской обл. она отметила систему полновского оканья, при которой различение /o/ и /a/ в позиции перед ударным /a/ реализуется противопоставлением [o] и [ɔ] соответственно: *мои́а, отца́, тоуда́, пошла́, мьлода́йя, н'ь могла́, вода́, но ъддѣла́, ость'вл'аши, пѣхат', кѣкрас, н'и дѣвала*,

² В статье 1962 года допущена явная ошибка в названии пункта, обследованного Т. Ю. Строгановой, и в его локализации. В более поздней работе Т. Ю. Строгановой [1970: 423] этот населенный пункт упомянут уже как д. Чухнова Лядинка Гдовского р-на, подробнее см. [Чекмонас 1998: 71].

прѣпѣшишійа, нѣ^аграда и т. д. Т. Ю. Строганова делает вывод: произношение [а] перед ударным *а* невозможно, то есть в этой системе обнаруживаются закономерности, характерные для диссимилятивного вокализма жиздринского типа.

В положении перед ударными гласными среднего подъема фонемы /о/ и /а/ представлены своими основными аллофонами [о] и [а]. По мнению исследователя, это свидетельствует о том, что ударный [о] в момент образования полновского типа был «пониженно среднего подъема», соответственно предупредительный [о] в этой позиции мог сохраниться только в том случае, если был более высокого подъема, чем «обычное о». Однако новая диссимилятивная тенденция сделала невозможным сохранение [о] «более высокого подъема» перед ударными гласными верхнего подъема и обусловила его замену более низким звуком [а]. Т. Ю. Строганова делает вывод, что тип, отмеченный в д. Лядинки, можно назвать наиболее архаической формой полновской модели [Строганова 1962: 108—110].

В. Н. Чекмонас, описавший различные говоры полновского ареала, отметил: «Что касается рассмотренных нами “полновских” говоров, опубликованных данных и известных нам непосредственно говоров с гдовским вокализмом, никаких явлений, которые могут быть обусловлены диссимиляцией ⟨...⟩, в них не обнаружено». При этом ни определить местонахождение говора, описанного Т. Ю. Строгановой, «ни подтвердить факта существования “чухново-лядинского вокализма” в других говорах в настоящее время мы не можем» [Чекмонас 1998: 121].

Результаты инструментального анализа системы вокализма, представленной в идиолекте А. П. Фокиной, так же, как и данные В. Н. Чекмонаса, противоречат основным выводам Т. Ю. Строгановой. В частности, вызывает сомнение ее утверждение, что ударный [о] в момент образования полновского типа был средне-нижнего подъема. Так, фонема /о/ в речи информанта реализуется целым рядом различных звуков: от гласных верхне-среднего подъема с сильной лабиализацией до слаболабиализованных гласных средне-нижнего подъема (значение F_1 у аллофонов /о/ варьирует от 390 до 700 Гц). Появление того или иного звукотипа не зависит от позиционных условий (этимологии гласного, консонантного окружения или просодических характеристик), то есть [о], [о], [э] являются факультативными вариантами фонемы /о/ и находятся в отношениях свободного варьирования.

Следует заметить, что закрытый гласный верхне-среднего подъема встречается значительно чаще, чем соответствующий открытый гласный средне-нижнего подъема; в соответствии с **а*: *мол[э]денька, помол[э]же, поб[э]льше, ф[э]кин, в восьм[э]м, выс[э]кая, б[э]льше, друг[э]го, дом[э]в, на Гэ[э]в, зав[э]т, хорош[э]*; в соответствии с **о*: *больш[э]й* (м. р.), *гр[э]б, г[э]да, пятис[э]тки, городск[э]й* (м. р.), *круж[э]м, друг[э]й, д[э]м, как[э]й г[э]сть*; в новых словах: *в кард[э]не, ваг[э]н, телеф[э]нка* ‘телефонный завод’. Таким образом, фонему /о/ репрезентуют следующие звукотипы (в порядке частотности): среднего, верхне-среднего и средне-нижнего подъемов, и нет

никаких оснований предполагать, что ранее в этой позиции произносился исключительно гласный средне-нижнего подъема [ɔ], как предполагала Т. Ю. Строганова.

Гласный [ə] в речи А. П. Фокиной возможен перед всеми гласными верхнего подъема и обычно отмечается на месте /o/, в единичных случаях — на месте /a/ (только перед ударным [a]). Это свидетельствует, с одной стороны, о сохранении противопоставления [o] и [a], а с другой — о постепенном смещении звукотипа, реализующего в 1-м предударном слоге фонему /o/, в зону среднего ряда.

7. Одна особенность, отмеченная у А. П. Фокиной, действительно сближает идиолект информанта с говорами, которым свойственна диссимилятивная организация системы вокализма. Речь идет об особой ритмической модели слова, которая предполагает варьирование долготных характеристик гласных 1-го предударного слога: чем ниже подъем ударного гласного, тем более короткие и менее интенсивные гласные произносятся перед ними. Приведем некоторые примеры соотношения гласных акцентного ядра слова (цифра после гласного обозначает его длительность в мсек):

па₁₃₂шл'й₈₉, н'ина₁₃₄в'й₁₃₃жу, ра₁₂₇д'й₁₃₁фшы, угов_{а127}р'й₈₆л, а₈₃н'й₇₁, та₇₁к'й₅₉х, вэ два₁₃₁р'й₉₂, зва₇₆н'й₁₀₅т', зва₉₄н'й₈₉т, пр'ив'а₁₅₁л'й₁₂₂, ла₁₄₈-в'й₁₅₂л'и, н'и ха₁₁₇д'й₁₁₁, ха₈₉д'й₆₁т', ха₁₀₄д'й₈₂л; ча₁₀₅ты₈₂р'и, ва₁₅₈йны₁₂₂, за₁₁₄бы₁₂₉ла, па₁₀₁бы₁₂₅л, а₇₇джы₅₂лэ, в гэра₁₅₀жы₁₃₀, п'е''р'а₁₀₀жы₁₁₁лэ; ута₁₄₂ну₁₇₃л, ута₁₂₄ну₁₃₀л, в ма₁₂₂скв'у₅₆, га₁₂₅д'у₁₂₀, н'и ха₉₆ч'у₉₁, гл'а₁₃₂ж'у₇₀, па₁₁₄д'у₇₉мэй, на₁₁₀ у₁₁₃л'ицы, па₁₀₁мр'у₁₀₈, рэскра₁₀₁д'у₁₀₈, пэка₁₀₅ж'у₆₇, са₁₁₈л'у₁₀₄зу;

плэ₅₀х'о₅₈вэ, о₈₈б'о₁₂₄рты, бо₈₀л'ш'о₁₂₁й, бо₇₄л'ш'о₅₇й, во₆₈с'м'о₉₅й, во₈₆с'-м'о₁₁₁й, во₇₀с'м'о₇₄м, в(ы)х'о₈₅дн'о₁₀₉й, пэ₈₁в'о₉₄с'имд'ис'ит, пэмэ₁₀₅л'о₁₄₂жэ, по₇₃ш'о₈₂л, во₈₉з'м'о₁₀₂, пэ₈₀йд'о₇₄м, гэрэ₁₀₂цк'о₁₀₀й, ва₁₀₇г'о₁₀₆н, за₈₃в'о₁₀₁т, на₁₁₂р'о₇₃т, ф ка₈₉нт'о₁₄₇ры, ра₉₄б'о₈₈тэт', ка₁₀₅рд'о₇₈н, да₁₃₀вн'о₉₅, н'изна₇₆к'о₁₆₃-мый, та₅₄к'о₈₃й, па₈₄стр'о₁₃₂ил'и, ма₈₂л'о₇₅д'ин'кэ, па₈₁ло₁₂₅жу, ба₇₆л'ш'о₁₂₆й, фта₈₂р'о₉₀й, ха₁₀₂р'о₁₃₆шый, ха₇₀р'о₁₀₀шый-та, хэра₁₂₃ш'о₂₂₀, спа₈₄к'о₁₈₀йна, па₁₀₂б'о₁₂₉л'шы, зда₇₀р'о₁₃₇вэй, пэпа₇₁д'о₈₂, куз'н'е₁₁₂ц'о₁₂₅ф, в'е₁₀₁сн'о₁₄₉й, в'е₈₅сн'о₁₂₇й, л'е₁₀₄д'о₁₆₂чэк, йе₇₈в'о₉₂, п'е₁₀₂ш'о₉₀м, не₅₂м'о₉₅к, н'е''₈₁х'о₈₄ча, с'е₆₁м'о₈₄й, с р'е₁₁₂б'о₁₅₂нкэм;

вэ₈₁вр'е₇₆м'э, хэ₆₇ц'е₇₇ла, эд₈₆ж'э₉₃н'ш'ины, чэлэ₈₂в'е₁₂₄ка, пэ₆₅п'е₁₂₇й, прэ₇₁гр'е₁₁₅са, ко₆₁н'е₉₂шна, ко₅₈мн'е₅₃, о₁₁₁ц'е₁₄₃ц, по₇₂ж'е₁₄₅хэл'и, в рэ₈₂-с'е₁₃₄йу, вэ₄₀е'е₈₅нэй, сэ₇₀в'е₁₁₃цкый, чэлэ₇₈в'е₁₃₀к, из гэ₉₉с'т'е₂₀₀й, кэ₅₂-н'е₉₅шна, сэ₈₄гр'е₁₅₀ла, ста₁₂₇ж'е₇₇, цэна₁₀₅в'е₁₈₀й, па₇₈л'е₁₁₃кшэ, ха₇₉ц'е₈₅ла, на₇₇в'е₁₀₁рнэ, ва₆₉ж'е₇₆ных, пучэ₉₀с'ц'е₈₆н'ку, н'е₈₁ж'е₆₇ц' (не едь), д'е₁₂₂-р'е₁₂₅вн'и, д'е₈₆р'е₁₀₆вн'и, в'е''₁₀₁з'д'е₉₈, ч'е''₇₃п'е₁₅₀р'а, п'ир'е''₇₃м'е₉₅шка;

то₇₂г'д'а₂₂₀, то₅₀г'д'а₁₆₁, гэ₉₅р'а₁₀₄, ко₅₈т'а₁₀₂, по₇₂ст'а₁₄₄в'ит', по₇₉шл'а₁₇₁, по₇₉ж'а₁₅₀рна, малло₈₃д'а₁₂₀е, малл'а₈₇д'а₁₀₀йе, кэ₇₀г'д'а₉₅, о₇₃ст'а₁₂₅л'ис'а, л₄₁н'а₈₂, л₈₄ст'а₁₀₈в'ит', л₅₅ст'а₁₄₀фшы, вл₆₀йн'а₁₃₁, вл₇₆д'а₁₅₆, дл₁₀₈чк'а₂₀₀, н'и рл₆₇ск'а₈₇-зэвэл, прл₉₇д'а₉₃й, тэ₈₀ск'а₁₁₂т', сэ₈₆л'д'а₁₄₁тэх, сэ₈₂б'а₁₃₈ка, нэ крэ₁₄₀в'а₁₇₁т',

пə₈₃знá₁₆₁лс'а, вə₈₂дá₁₈₆, зз₈₀шлá₁₂₄, тз₇₄скá₈₆т', гəвa₈₀р'á₁₁₁ (говорят), ус-
та₄₄лá₁₂₀с'а, кра₈₆сá₂₁₀(в)ица, на₁₁₃шлá₁₉₀, та₇₂кá₁₂₄æ, та₅₉кá₁₁₁йа, на₆₆-
жрá₁₄₅лсə, дэста₆₉л'á₁₁₁ε (доставляет), са₁₀₂рá₂₃₀й, за₇₅пá₉₉сə, фча₉₁рá₉₉с', к
та₆₉вá₁₁₂р'ишу, та₁₀₀вá₁₃₂р'ишу, мала₁₀₁дá₁₄₃йа, вáй₃₉нá₉₅, пр'ин'ə₇₆слá₈₇,
с'ε₆₁мнá₁₃₃цэт', д'ив'ε₇₆тнá₁₂₅ц'тəвa, ф п'ε₆₃кá₁₀₉рн'ε, д'ив'ε₆₇тнá₁₀₈цэтəэ,
л'ε₁₀₃сá₁₄₀, н'ε₅₂ знá₉₄ла, н'ε₇₀ лá₁₄₃д'у, п'ир'ε₈₀прá₁₃₁вə-та, н'ε₇₁л'з'á₁₁₇.

8. Ритмический контур слова в большинстве среднерусских говоров может быть определен как «сильный центр и слабая периферия». Он предполагает, что гласный 1-го предударного слога вместе с ударным гласным составляют акцентное ядро слова, противопоставленное остальным безударным гласным [Касаткина 1997: 86; Касаткина 1996: 222—235]. По соотношению длительности и интенсивности гласных акцентного ядра говора Псковщины неоднородны. В. Н. Чекмонас выделяет три основные модификации указанной просодической структуры: **гиперфонию** (удлинение предударных гласных, когда по длительности они равны или превосходят ударные), **олофонию** (отсутствие заметного сокращения предударных гласных) и **плерофонию** (некоторое сокращение длительности предударных гласных без модификации их качества) [Чекмонас 1998: 62; Чекмонас 1999: 101]. Для «протополновских» говоров с неполным оканьем владимирско-поволжского типа характерна гиперфония; для говоров с неполным оканьем полновского типа — гиперфония и ее ослабленный вариант — олофония; для говоров с сильным аканьем — плерофония.

В идиолекте А. П. Фокиной присутствуют все три динамические модели, их употребление позиционно ограничено. Гиперфония (с элементами олофонии) отмечается перед ударными гласными верхнего подъема, олофония (с элементами плерофонии) — перед ударными гласными среднего подъема; плерофония, сочетающаяся с особой моделью, которая предполагает значительное сокращение предударных гласных, а также их факультативную централизацию, — перед ударными гласными нижнего подъема. Так, звук [а] в 1-м предударном слоге обычно несколько превосходит по количественным характеристикам ударные [и], [ы], [у]; его длительность в среднем составляет 111% длительности этих ударных гласных. Однако предударный [а] (независимо от этимологии) значительно уступает по количественным характеристикам ударному гласному нижнего подъема и составляет в среднем 59% его длительности.

Представленные соотношения средней длительности гласных в речи информанта нельзя считать абсолютными, неизменными показателями, характеризующими какой-то конкретный говор или диалектную группу в целом. Трудности в определении количественной характеристики гласных связаны не только с проблемами сегментации, то есть с установлением физических границ отрезков речи. Количественные признаки гласных заметно варьируют в зависимости от условий произнесения: просодической позиции, темпа или стиля речи, а также могут обуславливаться индивидуаль-

ными особенностями диктора — всё это затрудняет поиск их объективных количественных показателей. Однако даже при некоторой относительности представленных данных важен сам факт определенного соотношения длительности и интенсивности, присущих гласным акцентного ядра слова в определенных позициях.

Ритмическая структура слова в говорах с последовательным различием /a/ и /o/ в 1-м предударном слоге, на основе которых сформировались полновские говоры, характеризовалась гиперфонией, в подобной системе гласный 1-го предударного слога обычно равен или превосходит по длительности ударный гласный, что считается архаичной диалектной чертой. Так, В. Н. Чекмонас зафиксировал «выразительную гиперфонию» с неполным оканьем владимирско-поволжского типа в д. Обод Стругокрасненского р-на Псковской области. Проанализировав различные явления безударного вокализма, автор обращает внимание на «удивительную близость и подобие этого говора и (...) полновских говоров. Можно утверждать, что он является полновским — но без полновского аканья-яканья (и это касается не только его фонетики, но и целого ряда других особенностей (...))» [Чекмонас 1998: 122—125].

Г. П. Слесарева, исследовавшая ритмико-динамические структуры типологически различных говоров, отметила в говорах с неполным оканьем и сильным аканьем в предударных позициях «двуступенчатость в количественной редукции по длительности и интенсивности». При этом «в говоре с неполным оканьем двуступенчатость выражена более ярко», поскольку гласный 1-го предударного слога «обладает большей длительностью и интенсивностью», чем в говоре с сильным аканьем [Слесарева 1982: 118]. На большую длительность и силу гласного 1-го предударного слога в окружающих среднерусских говорах по сравнению с акающими указывают З. М. Альмухамедова и Р. Э. Кульшарипова [1980: 70].

Очевидно, что развитие нейтрализации фонем /o/ и /a/ в 1-м предударном слоге напрямую связано с модификацией старой просодической модели, с формированием новых отношений между гласными акцентного ядра слова. Ритмическая структура становится «более “эластичной”, “подвижной”, более чутко реагирующей на интонационные факторы», что свойственно говорам Гдовщины [Чекмонас 1998: 115]. В результате складывается более сложная просодическая система с распределением нескольких вариантов, представляющих собой позиционные модификации единой ритмической модели «сильный центр и слабая периферия». Высокая длительность и интенсивность гласного 1-го предударного слога (гиперфония) теперь характеризуют только некоторые позиции, тогда как в других позициях могут наблюдаться иные варианты ритмического оформления слова (олофония и плерофония, по В. Н. Чекмонасу).

Практически во всех говорах с полновским типом вокализма гиперфония отмечается перед ударными гласными верхнего подъема: «предударные /e, o, a/ часто не уступают по длительности последующим ударным, и

часто превосходят их, особенно /е, о, а/ перед последующими ударными гласными верхнего подъема» [Чекмонас 1998: 112, также 73, 78, 79, 92, 104]. Иногда гласный 1-го предударного слога в этой позиции настолько усиливается, что возникает перцептивный эффект переноса ударения на 1-й предударный слог. Так, Р. Ф. Касаткина отмечает, что при прослушивании записей из Гдовского р-на «в целом ряде случаев возникали затруднения с определением места ударения», и приводит следующие примеры: «бригади́р, тяну́ли, су́шили, ни о́дного (ни одного), у́бью́, ма́шина, ма́шин (автомобиль), ря́дам, ряпу́шку, ка́пусту, ма́як, та́ких, пла́тили, на́йду́, зе́рно́, гря́ду» [Касаткина 1997: 85—86]. Совершенно очевидно, что неопределенность в локализации места ударения в подавляющем большинстве случаев отмечается при ударных гласных верхнего подъема. Звук [а] перед ударным гласным нижнего подъема удлиняется реже, в некоторых говорах с полновским типом вокализма в этой позиции происходит ослабление предударного [а], который «на слух кажется несколько более кратким, и его можно было бы транскрибировать как /ǎ/» [Чекмонас 1998: 74 и сл.].

Количественная редукция, особенно ярко проявляющаяся в речи А. П. Фокиной перед ударным [а], может сопровождаться тенденцией к централизации гласного 1-го предударного слога: наблюдается регулярное понижение верхней границы F_1 перед гласными среднего и нижнего подъемов. Так, область усиленных частот звука [а] перед ударными [и], [ы], [у] отмечается в диапазоне 700—950 Гц, перед ударными [е] и [о] — 650—900 Гц, перед ударным [а] — 650—800 Гц.

Подвижность ритмической структуры слова проявляется в ее относительной зависимости от просодических факторов. Так, под фразовым ударением отмечается значительное усиление гласных акцентного ядра слова, в том числе ударных гласных верхнего подъема, что прежде всего выражается в значительном увеличении их длительности. В этом случае «выделенность» гласного [а] в 1-м предударном слоге перед ударными [и], [ы], [у] достигается за счет его большей интенсивности (силы) и напряженности, по этим показателям предударный [а] практически всегда превосходит ударные гласные верхнего подъема.

Соотношение различных гласных акцентного ядра слова можно видеть на рис. 1—6, где представлены осциллограммы, спектрограммы, а также огибающие интенсивности форм *во дв[а]ри́, з[а]кры́л, кр[о]ва́тка, д[л]чка́, н[а]шла́, с[’ε]мна́дцать* (см. также графики слов *х[а]ди́, п[о]шла́, в[э]да́, з[а]на́сы*, приведенные в [Савинов 2012: 93—94]). На рисунках отчетливо прослеживается позиционная зависимость ряда характеристик гласных 1-го предударного слога от ударных гласных верхнего и нижнего подъемов. Графики наглядно демонстрируют, что любой предударный гласный значительно уступает ударному [а] по интенсивности и длительности. Наиболее кратким в этой позиции оказываются гласные [е], [о], [ɔ].

На рис. 7—10 представлены осциллограммы, спектрограммы, а также огибающие интенсивности словоформ *посм[л]трéть, сын[а]вéй, п[ɔ]вó-*

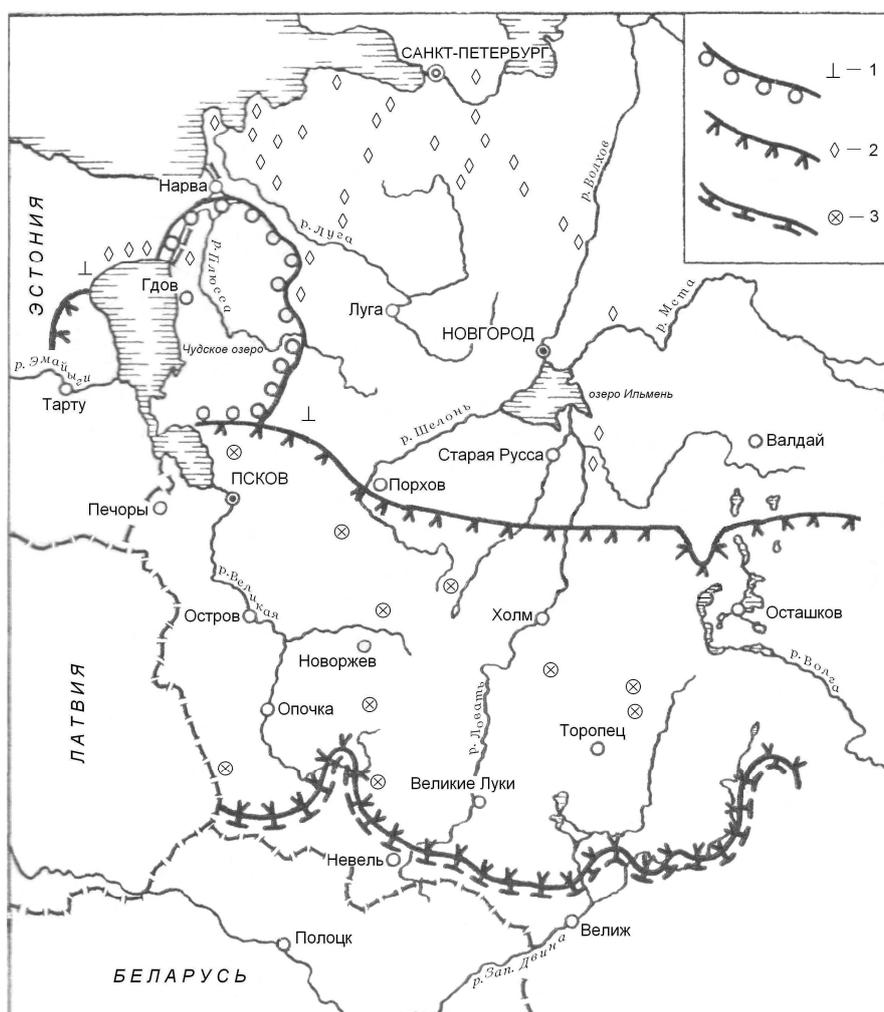
семьдесят, незн[а]кóмый. На графиках видно, что различные гласные 1-го предударного слога, как правило, уступают по своим количественным характеристикам ударным [е] и [о], хотя и не так сильно, как ударному [а], при этом по интенсивности они могут превосходить ударные гласные среднего подъема, прежде всего ударный [о].

9. Таким образом, в речи А. П. Фокиной отчетливо прослеживается следующая тенденция: с понижением подъема ударного гласного длительность и интенсивность гласного 1-го предударного слога уменьшается, что характерно для диссимильтивно акающих говоров с количественными отношениями между гласными акцентного ядра слова. Разумеется, было бы некорректно приписывать эту особенность говору Каменной Стражи в целом, тем более экстраполировать ее на весь гдовский диалектный ареал. Однако развитие подобных «диссимильтивных» отношений в идиолекте информанта, имеющем ярко выраженную севернорусскую основу, само по себе примечательно, а вопрос о причинах появления количественной диссимильтации требует ответа.

По мнению Т. Ю. Строгановой, формирование полновского и гдовского типов вокализма происходило «на основе включения в систему различения этимологических гласных в безударном положении диссимильтивного принципа — неразличения этимологических гласных в безударном положении» [Строганова 1970: 451]. Исследовательница полагает, что диссимильтивный принцип, определяющий развитие говоров с гдовским и полновским типами вокализма, существует «не в абстрактном виде», а в форме диссимильтивного аканья жиздринского типа, когда перед ударными гласными верхнего и среднего подъемов произносится [а], перед ударным [а] — гласный среднего подъема [э] [Строганова 1962: 109].

В. Н. Чекмонас возражает против этого утверждения: «Очевидно, что сам по себе “диссимильтивный принцип” в систему включиться не может; должно было возникнуть какое-то явление, отражающее этот принцип, который состоит в том, что в предударном слоге перед последующим ударным /а/ или другими гласными неверхнего подъема не может находиться /а/ и этимологические гласные неверхнего подъема /е, о, а/ представлены в позиции звуками типа /ъ, и/» [Чекмонас 1998: 121]. Действительно, причиной появления и развития типов предударного вокализма, подобных гдовскому и полновскому, не может быть диссимильтация, то есть стремление говорящих расподобить подъемы гласных. Диссимильтация — это «лишь результат фонетических процессов, происходящих в определенных позициях, но она никогда не является их причиной» [Касаткин 2010: 82]. Кроме того, изоглоссы типов предударного вокализма, представленных в русских говорах Северо-Запада, также свидетельствуют против генетической и ареальной близости гдовской (полновской) разновидности неполного аканья и диссимильтивных моделей аканья-яканья (см. карту 1, составленную на основе [ДАРЯ 1986: карта 1], а также работы [Строганова 1970]).

Как известно, гдовские говоры имеют севернорусскую основу, что в частности, проявляется в частичном сохранении этимологических гласных неверхнего подъема в 1-м предударном слоге. Однако в этих говорах сформировано «сильное ядро слова», то есть ярко выражен контраст между гласным 1-го предударного слога и другими безударными гласными, что свойственно южнорусским, а также большинству среднерусских говоров. То есть здесь «наблюдается некоторое противоречие между характером сегментной и суперсегментной фонетической системы» [Касаткина 1997: 82].

Карта 1. Типы предударного вокализма в говорах Северо-Запада
 Условные обозначения: 1. Гдовский или полновский типы неполного оканья;
 2. Сильное аканье; 3. Диссимилятивное аканье жиздринской разновидности

Развитие новых отношений между ударным гласным и гласным 1-го предударного слога обусловлено модификацией ритмической структуры слова. Выделение просодического ядра и его противопоставление всем другим гласным слова, что характерно для говоров с неполным оканьем, привело к формированию той динамической модели, которую В. Н. Чекмонас называет гиперфонией. Усиление нейтрализации гласных неверхнего подъема в 1-м предударном слоге за счет увеличения числа позиций неразличения связано с появлением новых связей между гласными акцентного ядра, с распространением новой динамической модели — плерофонии, которая отличается от гиперфонии некоторым сокращением длительности предударного гласного при отсутствии его качественной редукции.

Устранение гиперфонии происходит постепенно, и дольше всего она сохраняется перед ударными гласными верхнего подъема. Именно эта особенность, а также более быстрое распространение плерофонии в позиции перед ударным [а] типологически (но не генетически) сближает переходные гдовские говоры с юго-западными русскими и северо-восточными белорусскими говорами, которым присуще диссимилятивное аканье жиздринского типа. Именно в этом смысле можно говорить о том, что «гиперфония и олофония имеет отдаленное отношение к системе диссимилятивного аканья, при котором предударный в слоге перед ударными гласными верхнего подъема бывает удлинненным» [Чекмонас 1998: 112].

10. В псковских говорах распространение сильного аканья за счет неполного оканья гдовского и полновского типов происходило на протяжении длительного времени. Переход от оканья к аканью обусловлен не столько большей структурной простотой последнего, как считают некоторые исследователи, сколько особенностями ритмико-просодической организации слова в псковских говорах. Сформированный ритмический контур «сильный центр и слабая периферия» способствует усилению и «выделению» гласных неверхнего подъема в 1-м предударном слоге, а также минимизирует вариативность их количественных и качественных показателей. В результате происходит, во-первых, распространение единого звукотипа [а], реализующего фонемы неверхнего подъема, и, во-вторых, унификация его характеристик, прежде всего долготы и интенсивности (в системе неполного оканья звук [о] в 1-м предударном слоге имеет меньшую среднюю длительность, чем [а]). В этих говорах нет предпосылок для появления принципиально иного ритмического контура, предполагающего сложную систему соотношений между гласными акцентного ядра слова, что свойственно говорам с диссимилятивным вокализмом.

Развитие указанной тенденции приводит к формированию сильного аканья, которое широко распространено на Псковщине. В. Н. Чекмонас показал, что в подобной системе количественные характеристики предударного [а] практически не зависят от качества гласного в ударном слоге [Чекмонас 2001: 57]. Сокращение разницы между гласным 1-го предудар-

ного слога [а] и ударным [а] происходит отчасти за счет увеличения длительности первого, а отчасти за счет сокращения длительности последнего. Так, средняя длительность ударного [а] в идиолекте А. П. Фокиной, характеризующемся неполным оканьем, в среднем более чем на 20 мсек превосходит соответствующий показатель ударного [а] в говоре с сильным аканьем.

Краткость предударного [е] в некоторых позициях способствует появлению на его месте гласного [и], например, в предложениях, частицах и отрицаниях: *пер[’и]éхали, н[’и] вéчер, н[’и] мóg, н[’и]дáвно, н[’и] знáю*, а также в отдельных словах: *м[’и]ня́, т[’и]бя́, л[’и]ка́рство, пр[’и]сто́льный*. Именно так на основе гдовского типа вокализма после мягких согласных формировался бельский тип вокализма с произношением [а] перед /и/, /у/, /а/, и [и] — перед /е/, /о/, который можно признать особой моделью ассимилятивно-диссимилятивного яканья.

Иными словами, отмеченная в речи А. П. Фокиной зависимость длительности и интенсивности гласного 1-го предударного слога от качества ударного гласного — это лишь один из закономерных этапов общего развития системы вокализма (полновское оканье → сильное аканье), но не конечный результат этих изменений. То есть подобие между диссимилятивным аканьем жиздринского типа и неполным оканьем полновского типа, о котором пишет Т. Ю. Строганова, может быть только внешним и временным, поскольку формирование этих типов вокализма обусловлено действием принципиально разных механизмов, а их дальнейшее развитие ведет к становлению моделей, обладающих уникальными структурными характеристиками.

В заключение следует отметить, что новые данные, собранные на острове Пийриссаар, существенно уточняют историю появления и развития неразличения предударных гласных в псковских говорах, а также представляют большой интерес для понимания путей развития поздних процессов аканья.

Л и т е р а т у р а

Альмухамедова, Кульшарипова 1980 — З. М. А л ь м у х а м е д о в а, Р. Э. К у л ь ш а р и п о в а. Редукция гласных и просодия слова в окающих русских говорах. Казань, 1980.

ДАРЯ — Диалектологический атлас русского языка: Центр Европейской части СССР / Под ред. Р. И. Аванесова, С. В. Бромлей. Вып. I. Фонетика. М., 1986; Вып. II. Морфология. М., 1989; Вып. III (Ч. 1). Лексика. Карты. М., 1997.

Галинская 1997 — Е. А. Г а л и н с к а я. Из исторической фонетики псковских говоров // Вопросы русского языкознания. Вып. VII. Русские диалекты: история и современность / Отв. ред. К. В. Горшкова, М. Л. Ремнёва. М., 1997. С. 67—119.

Галинская 2002 — Е. А. Г а л и н с к а я. Историческая фонетика русских диалектов в лингвогеографическом аспекте. М., 2002.

Каринский 1909 — Н. М. К а р и н с к и й. Язык Пскова и его области в XV веке. СПб., 1909.

- Касаткин 2010 — Л. Л. К а с а т к и н. Из истории аканья — яканья в русском языке // Русск. яз. в науч. осв. № 2 (20). С. 77—102.
- Касаткина 1996 — Р. Ф. К а с а т к и н а. Среднерусские говоры и ритмика слова // Просодический строй русской речи / Отв. ред. Т. М. Николаева. М., 1996. С. 222—235.
- Касаткина 1997 — Р. Ф. К а с а т к и н а. Некоторые наблюдения над ударением в говорах Гдовского района Псковской области // Псковские говоры. История и диалектология русского языка / Под ред. Я. И. Бьёрнфлатена. Oslo, 1997. С. 82—94.
- Ковпик 2005 — В. А. К о в п и к. Из истории безударного вокализма псковских говоров // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. № 1 (19), 2005. С. 92—95.
- Морозова, Чекмонас 2007 — Н. М о р о з о в а, В. Ч е к м о н а с. Говоры старообрядцев Литвы: особенности и проблемы происхождения // Фольклор старообрядцев Литвы: Тексты и исследование. Т. 1. Сказки. Пословицы. Загадки. Вильнюс, 2007. С. 51—72.
- Мурникова 1962 — Т. Ф. М у р н и к о в а. Описание русского говора острова Пийрисаара // Ученые записки Тартуского гос. университета. Вып. 119. Труды по русской и славянской филологии. V. Тарту, 1962. С. 345—363.
- Рихтер 1976 — Е. В. Р и х т е р. Русское население Западного Причудья. Таллин, 1976.
- Ровнова 2007 — О. Г. Р о в н о в а. Говоры староверов Западного Причудья по материалам 1946 г. и 2003—2007 гг. // Очерки по истории и культуре староверов Эстонии. II / Отв. ред. И. П. Кюльмоя. Тарту, 2007. С. 176—198.
- Савинов 2012 — Д. М. С а в и н о в. О переходе от окаящего предупредного вокализма к акающему в идиолекте информанта с острова Пийрисаар // Очерки по истории и культуре староверов Эстонии. III. [Acta Slavica Estonia. I.] / Отв. ред. И. П. Кюльмоя. Тарту, 2012. С. 84—94.
- Слесарева 1982 — Г. П. С л е с а р е в а. Сравнительная характеристика ритмодинамических структур слова в русских говорах. Дис. ... канд. филол. наук. Казань, 1982.
- Строганова 1962 — Т. Г. С т р о г а н о в а. О предупредном вокализме говоров северо-запада Псковской области // Материалы и исследования по русской диалектологии. Т. III / Отв. ред. В. Г. Орлова. М., 1962. С. 101—111.
- Строганова 1970 — Т. Ю. С т р о г а н о в а. Западные среднерусские говоры // Образование севернорусского наречия и среднерусских говоров / Отв. ред. В. Г. Орлова. М., 1970. С. 392—452.
- Царева 1962 — Л. И. Ц а р е в а. Аканье и яканье в говорах юго-западной части Псковской области // Псковские говоры. I. Труды первой псковской диалектологической конференции 1960 года / Отв. ред. Б. А. Ларин. Псков, 1962. С. 58—76.
- Чекмонас 1998 — В. Ч е к м о н а с. Аканье и оканье в северной части Псковской области (полновские говоры) // Kalbotyra 47 (2). Slavistica Vilnensis, 1998. С. 57—132.
- Чекмонас 1999 — В. Ч е к м о н а с. Аканье и яканье в говорах Псковского района (современное состояние и проблемы истории) // Kalbotyra 48 (2). Slavistica Vilnensis, 1999. С. 89—146.
- Чекмонас 2001 — В. Ч е к м о н а с. К изучению вокализма говоров Псковщины (ритмическая структура слова и акустические особенности реализации гласных в говоре д. Тешевицы Псковского района) // Вопросы русского языкознания. Вып. IX. Диалектная фонетика русского языка в диахронном и синхронном аспектах / Отв. ред. К. В. Горшкова, М. Л. Ремнёва. М., 2001. С. 43—85.

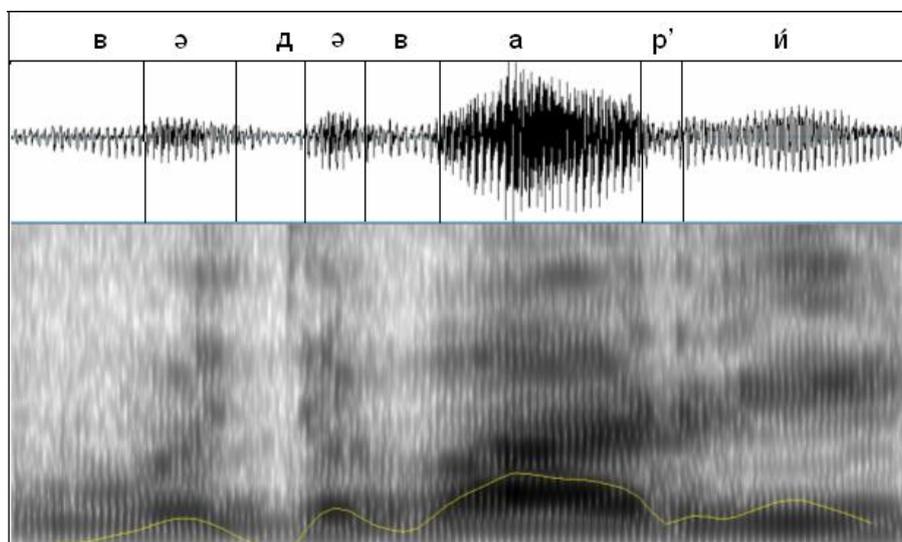

Рис. 1. Осциллограмма, спектрограмма и огибающая интенсивности формы *во дв[а]ри* (во дворе)

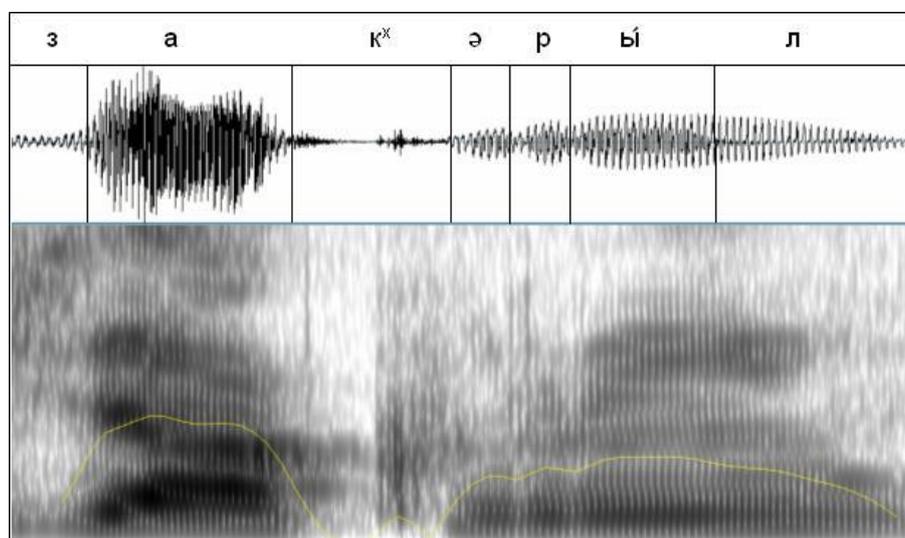

Рис. 2. Осциллограмма, спектрограмма и огибающая интенсивности формы *з[а]крыл*

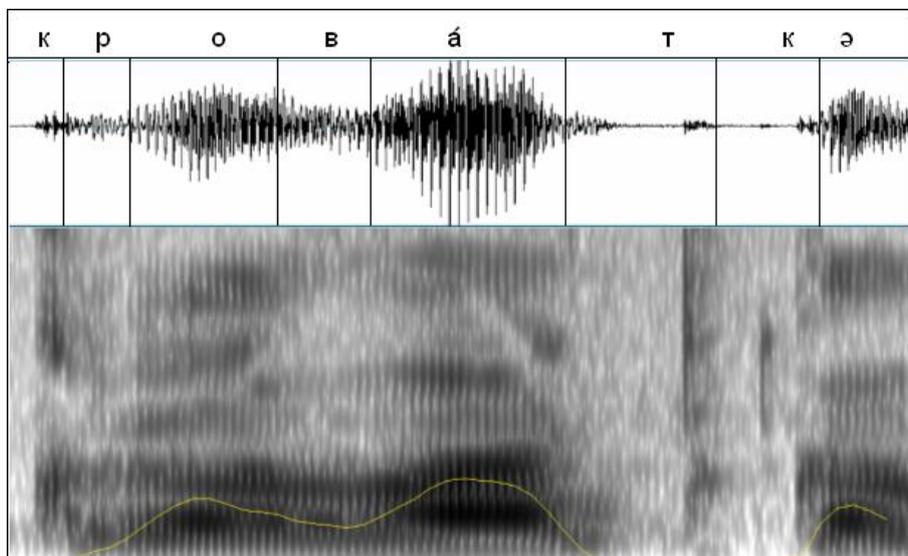

Рис. 3. Осциллограмма, спектрограмма и огибающая интенсивности формы *кр[о]в*

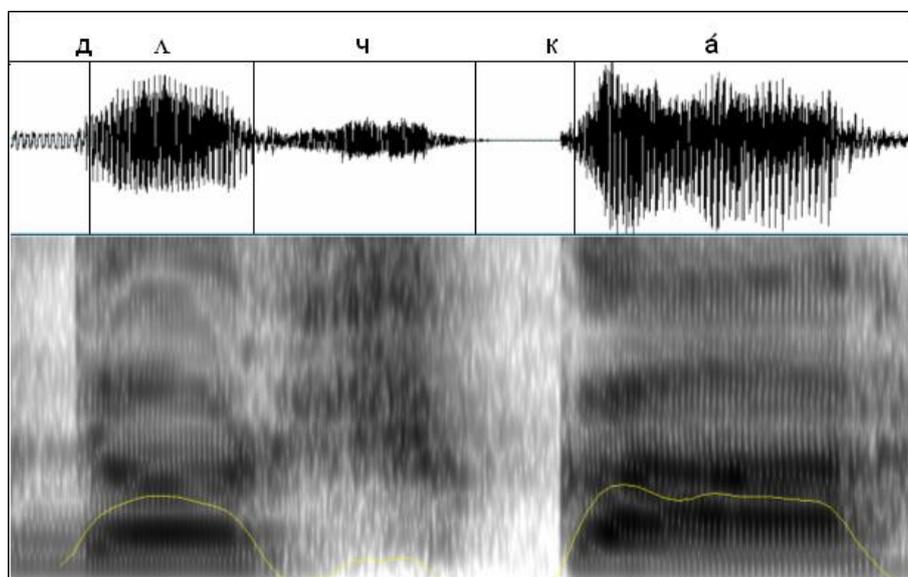

Рис. 4. Осциллограмма, спектрограмма и огибающая интенсивности формы *д[л]ч*

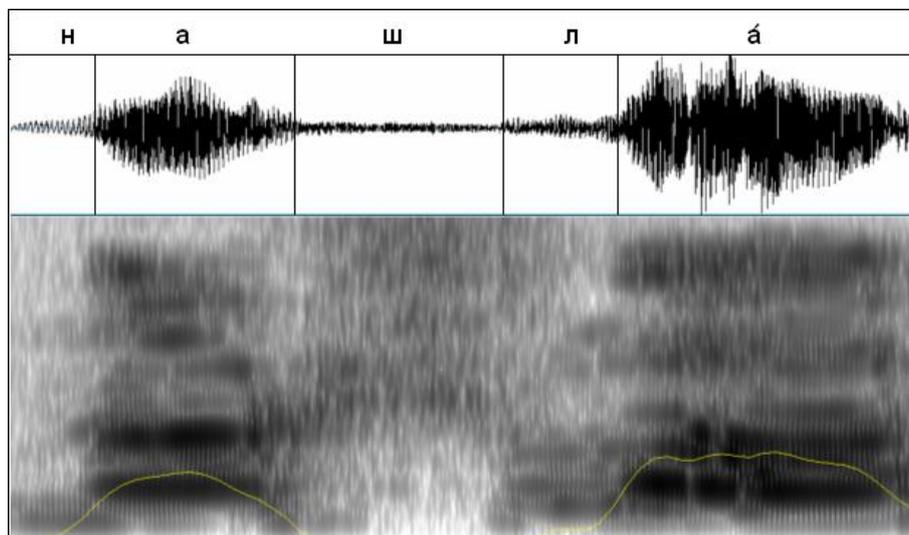

Рис. 5. Осциллограмма, спектрограмма и огибающая интенсивности формы *н[а]шл́а*

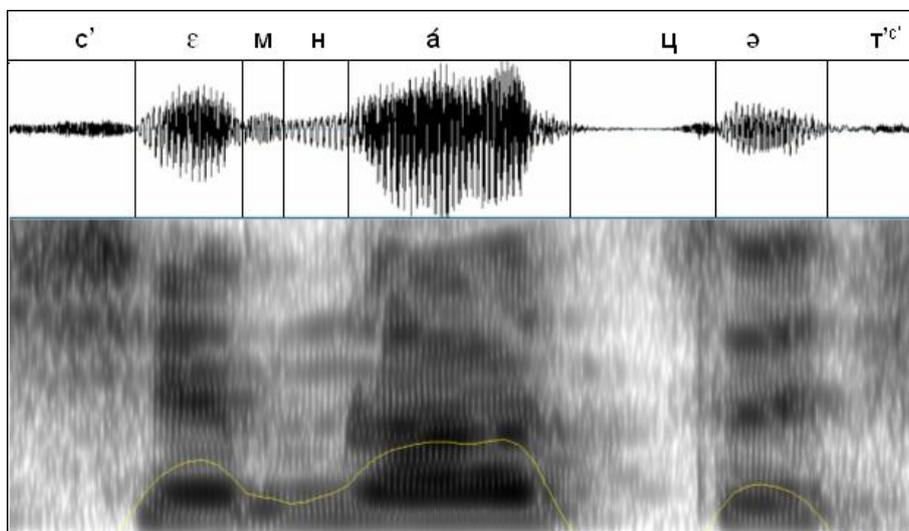

Рис. 6. Осциллограмма, спектрограмма и огибающая интенсивности формы *с[ε]мн́адцать*

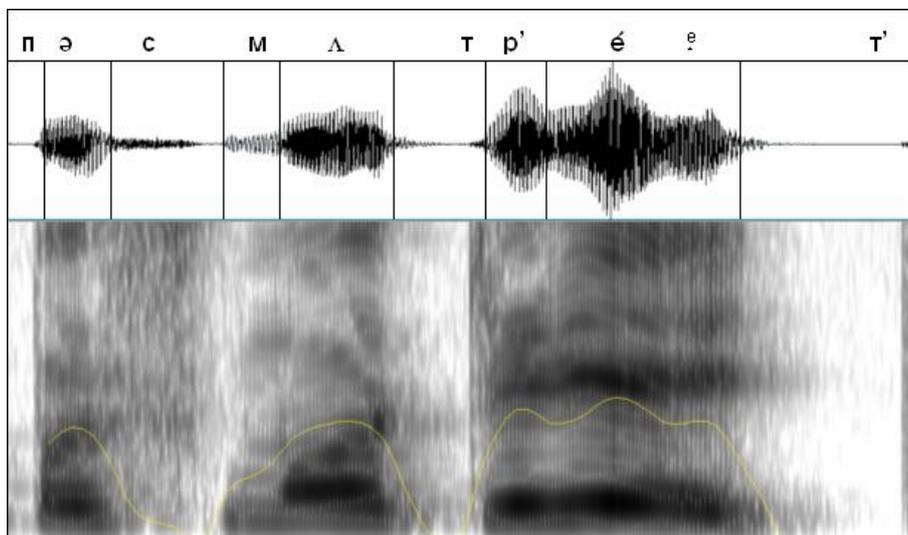

Рис. 7. Осциллограмма, спектрограмма и огибающая интенсивности формы *посм[л]трéть*

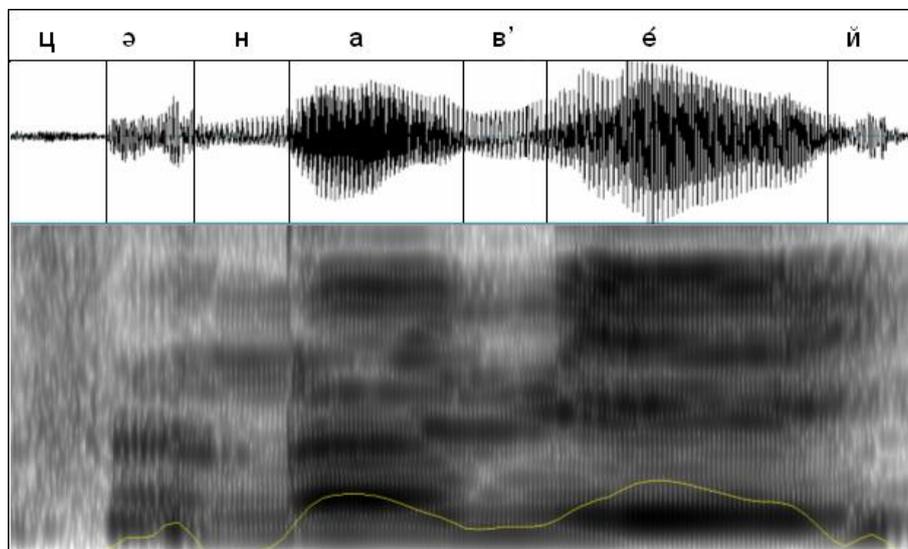

Рис. 8. Осциллограмма, спектрограмма и огибающая интенсивности формы *сын[а]вéй*

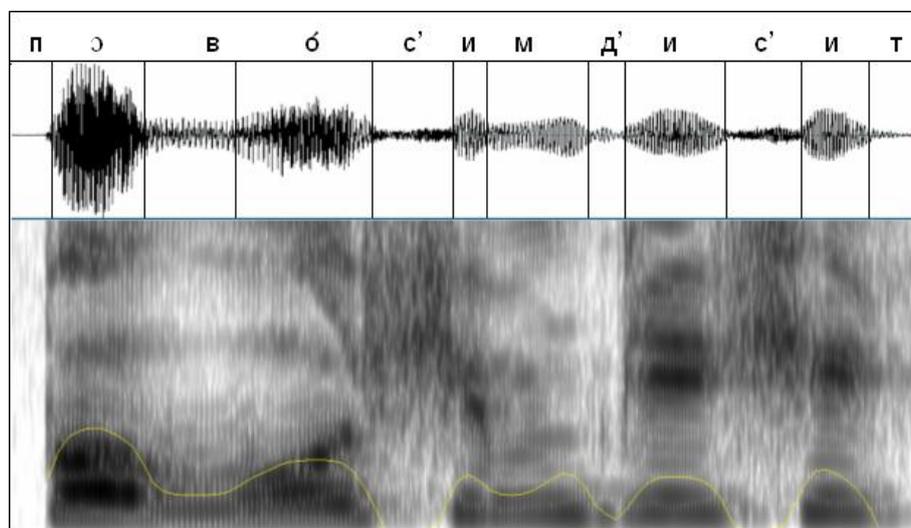

Рис. 9. Осциллограмма, спектрограмма и огибающая интенсивности формы *п[о]восемьдесят*

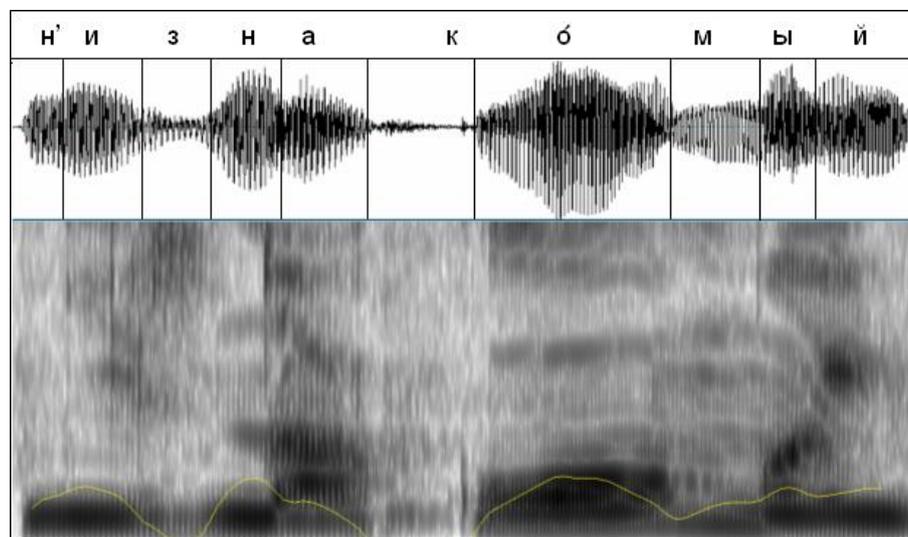

Рис. 10. Осциллограмма, спектрограмма и огибающая интенсивности формы *незн[а]комый*

DMITRIJ M. SAVINOV

(Vinogradov Institute of Russian Language, Russian Academy of Sciences)

**ASPECTS OF INVESTIGATION OF NORTHWEST RUSSIAN DIALECTS
(INSTRUMENTAL PHONETIC STUDY
OF THE VOWEL SYSTEM IN ONE IDIOLECT)**

The article presents the results of a study of Russian dialects of the island Pjirissaar (Estonia). The collected material contributes to the solution to some problems of the evolution of pretonic vocalism systems in Northwest Russian dialects. The example of incomplete okan'e of the Polnovskij type shows that the sequence of complete okanye → incomplete okanye → akanye is closely linked to changes in the prosodic organization of words that occur in these dialects.

Keywords: Russian phonetics, dialectology, dialects of the Pskov area, history of Russian language, okan'e, akan'e